

К ВОПРОСУ О РОЛИ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 1940–1960-Х ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И КУРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Аннотация: Статья посвящена достаточно узкому аспекту церковно-государственных отношений в советский период, а именно деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в послевоенные десятилетия (на примере двух областей). В статье рассмотрен ряд аспектов деятельности представителей Совета на местах: отношения с правящим архиереем, сокращение количества церквей, контроль за соблюдением прав верующих, инициативы по оптимизации своей работы и т. п. Специфика работы заключается в определении территориальных границ исследования: Курская и Владимирская области с самого начала реализации сталинской программы сближения с Церковью находились в совершенно разных условиях. Однако, как выяснилось в ходе работы, процессы здесь протекали очень схожие.

Ключевые слова: уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви, церковно-государственные отношения в СССР, Курская епархия, Владимирская епархия.

Цитирование: Макарова Д.Ю. К вопросу о роли уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в церковно-государственных отношениях в 1940–1960-х годах (на материалах Владимирской и Курской областей) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 1 (26). С. 83–104.

Сведения об авторе: Макарова Дарья Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой церковно-исторических и церковно-практических дисциплин Владимирской духовной семинарии (Россия, Владимир). E-mail: makarovadarja1987@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Церковно-государственные отношения в Советской России второй половины XX в. являются темой целого ряда крупных исследований. Специальное внимание в историческом сообществе уделено региональному аспекту проблемы: многие авторы анализировали положение отдельных епархий в свете общесоюзных тенденций. Много уже сказано о функциях Совета по делам Русской Православной Церкви (с 1965 г. – Совета по делам религий), образованного в 1943 г. и сыгравшего немаловажную роль в выстраивании послевоенной политики И.В. Сталина. В частности, Т.А. Чумаченко предлагает новый подход к оценке деятельности Совета и рассматривает его прежде всего как некий «буфер» между советскими властями и руководством Московской Патриархии, не забывая в то же время о функциях надзора и наказания в случае нарушения религиозного законодательства со стороны Церкви [см. 25]. Однако на уровне епархий тон церковной политики нередко задавали отношения между правящим архиереем и местным уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви. Думается, что роль представителей Совета в реализации религиозного курса властей в первые послевоенные десятилетия изучена ещё недостаточно.

В качестве опоры исследования мы взяли епархии, находившиеся на момент перелома в церковно-государственных отношениях в совершенно разных условиях. Курская и Обоянская (с 1954 г. – Курская и Белгородская) была под немецкой оккупацией в течение двух лет с осени 1941 г. Как известно, руководство Германии вынашивало планы использования Церкви на оккупированных территориях в качестве инструмента подрыва влияния здесь советской власти. Для этого был запущен процесс массового открытия храмов. Данные по открытым церквям и молитвенным домам в Курской области на 1941 год колеблются в разных источниках от 35 до 37. С 1942 г. стало действовать 148 храмов [27, с. 190], в том числе 21 марта открылся Свято-Троицкий женский монастырь в городе Курске [18, л. 24]. В октябре 1943 г.

количество открытых церквей достигло 282 [27, с. 192]. Когда регион был освобождён советской армией от фашистских захватчиков, действующие храмы были официально зарегистрированы [28, с. 38]. К 1 декабря 1945 г. богослужения проходили уже в 318 церквях и молитвенных домах [см. 8, л. 6 об.–13 об.]. Максимум послевоенной структуры епархии относится к 1 января 1947 г., когда здесь действовал 331 храм [13, л. 2]. С конца 1940-х гг. численность храмов начала постепенно снижаться.

Религиозная ситуация во Владимирской и Суздальской епархии развивалась в совершенно ином ключе: здесь регистрация храмов с самого начала находилась под строгим контролем Совета по делам Русской Православной Церкви, который опирался в этом вопросе на принятое 28 ноября 1943 г. постановление СНК СССР за № 1325 «О порядке открытия церквей» [26, с. 80]. Процесс рассмотрения заявлений верующих был максимально усложнён. С 1940 по 1944 гг. (т.е. до восстановления Владимирской области из состава Ивановской) было открыто 25 церквей, в 1945 г. начали работать ещё 16 церквей, в 1946 г. – 10, в 1947 г. – 5 храмов. После 1947 г. в области уже не открылось ни одного храма [24, с. 36]. Всего на 1 апреля 1947 г. во Владимирской области функционировало максимальное число молитвенных зданий – 75 [24, с. 37].

Причём надо отметить интересную деталь: несмотря на такую разницу в количестве открытых церквей, поток заявлений в адрес уполномоченного об открытии новых храмов в Курской епархии был ничуть не меньше, чем во Владимирской, а число подписей под ходатайствами порой доходило до 2 тысяч. Потребность людей в Боге в послевоенной стране долго не затухала.

Чтобы перейти непосредственно к теме исследования, т. е. к роли уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в религиозной политике, охарактеризуем деятельность Совета в целом. Неизменно оставаясь контролирующим органом, он, тем не менее, придавал церковно-государственным отноше-

ниям определённую стабильность и защищал Церковь от возможного грубого произвола со стороны местных властей [28, с. 37].

В регионах страны связующим звеном между государственными органами и Церковью были уполномоченные Совета. В первое время у них возникало множество вопросов по поводу своих функций, поэтому сверху спускались подробные инструкции и регламенты. Усиленная работа с уполномоченными объяснялась также и тем, что в первые годы в ряде областей, в том числе в рассматриваемых Курской и Владимирской, происходила довольно частая их смена:

уполномоченные Совета по Владимирской области:

1. П.А. Сергиевский (1944–1947),
2. К.М. Тупиков (1947–1951),
3. И.И. Мирский (1952–1957) [23, с. 39],
4. П.З. Истратов (1957–1960),
5. А.И. Макаров (1960–1966),
6. А.В. Зиновьев (1966–1982) [24, с. 52];

уполномоченные Совета по Курской области:

1. В.Н. Ефремов (1943–1947),
2. П. Бровкин (лето-осень 1947 г.),
3. Д.Д. Золотухин (1947–1950),
4. П.Л. Володин (1950–1967),
5. Ф.И. Чиртулов (1967–1968),
6. Г.Ф. Коробко (1968–1978).

Причём, если во Владимирской епархии с 1944 по 1970 гг. кафедре неизменно занимал епископ (с 1956 г. – архиепископ) Онисим (Фестинатов), то в Курской в течение рассматриваемого периода сменилось семеро архиереев:

1. Епископ Питирим (Свиридов, 1943–1947),
2. Архиепископ Алексей (Сергеев, 1947–1948),
3. Епископ Нестор (Сидорчук, 1948–1951),
4. Епископ Иннокентий (Зельницкий, 1951–1958, с 1957 г. – архиепископ) [19, с. 58–60],

5. Епископ Роман (Танг, 1958–1959),
6. Епископ Леонид (Поляков, 1959–1962) [17, л. 15],
7. Епископ Серафим (Никитин, 1962–1971).

Авторы монографии «История религий во Владимирском крае (советский период)» отмечают прямую зависимость деятельности уполномоченных от органов Министерства государственной безопасности. Одной из задач, которая стояла перед представителями Совета по делам Русской Православной Церкви и была зафиксирована письмом Совета от 17 мая 1947 г., являлась «обязанность наблюдения за строгим осуществлением советских законов в отношении церкви и принятия мер к устранению ненормальных взаимоотношений между церковными общинами и местными органами» [24, с. 35]. Причём секретари обкома партии должны были быть поставлены в известность обо всех результатах контроля и проверки деятельности религиозных объединений. Множество нюансов работы уполномоченных обуславливало в итоге их достаточно двусмысленное положение: «Формально они не имели права вмешиваться в дела церкви, но в то же время должны были проводить политику ограничения её деятельности» [24, с. 35].

Деятельность уполномоченных, как и работу самого Совета, не стоит оценивать в сугубо отрицательном ключе. Как показывает знакомство с архивными документами, на церковно-государственные отношения на местах влияли такие факторы, как отношение уполномоченного к религии и верующим, взаимное уважение или, наоборот, неприязнь между уполномоченным и правящим архиереем и т. д.

Интересно отметить следующую деталь: первые уполномоченные и во Владимире, и в Курске характеризуются чрезвычайно лояльным, даже дружелюбным отношением к церковным организациям и лично к архиерею.

Например, между Курским уполномоченным В.Н. Ефремовым и архиепископом Питиримом отчётливо прослеживается

взаимная симпатия. Это видно, в частности, из оценки деятельности архиерея, которую озвучил В.Н. Ефремов в одном из отчётов: «Епископ проводит правильную линию в своей работе по отношению к духовенству. (...) Мало он выезжает по епархии из-за отсутствия транспортных средств. (...) Я лично просил бы Совет оказать ему содействие в приобретении автомашины. Квартирные условия у него очень плохие... Канцелярия его помещается в одной комнате в Соборе.

По характеру он очень мягкий человек» [12, л. 13–14].

Следующий уполномоченный, П. Бровкин, всего за 3–4 месяца своей работы тоже отличился более чем лояльным отношением к Церкви: выдал Епархиальному управлению разрешение на открытие свечной мастерской в г. Курске и отстаивал права одной из насельниц Свято-Троицкого монастыря по поводу её выселения из места проживания [9, л. 74–75].

Уполномоченный Д.Д. Золотухин вообще был освобождён от должности за «недопустимую аполитичность в своей работе и сползание с правильной принципиальной линии», а также за то, что он «объективно встал на сторону церкви» [14, л. 46].

Интересно совпадение: по похожим причинам в ноябре 1947 г. был отстранён от дел уполномоченный по Владимирской области П.А. Сергиевский. Как отмечал Г.Г. Карпов в письме секретарю Владимирского обкома ВКП (б) П.Н. Алфёрову, «уполномоченный <...> тов. Сергиевский <...> берёт на себя задачу глубокой и всесторонней опеки над церковью, заботясь о нравственности, квалификации духовенства, их проповеднической деятельности и т. д. Он также неправильно реагирует на непорядки во внутрицерковной жизни, а при изучении и освещении вопроса о положении церкви и религиозного состояния в области <...> сходит с принципиальных партийно-политических позиций на церковные...» [цит. по: 24, с. 34].

Однако при оценке ситуации в целом становится понятно, что уполномоченные обычно принимали то или иное решение

вполне в русле общецерковной политики. Так, если середина 40-х годов характеризуется в той или иной степени поддержкой регистрации новых общин верующих, открытием храмов, то с конца десятилетия ситуация меняется в худшую сторону. В дальнейшем религиозная политика Советского государства даже в рамках относительно недолгого рассматриваемого периода неоднократно претерпевала метаморфозы.

Для иллюстрации сказанного остановимся на характерных примерах. Так, в июле 1945 г. в связи с проволочками в снятии запрета на богослужения в одной из церквей Гусь-Хрустального района уполномоченный П.А. Сергиевский в безапелляционных выражениях писал председателю райисполкома: «Категорически настаиваю на немедленном снятии запрещения церковной службы в Палищенской церкви в той её части, которая не вызывает никаких сомнений в отношении своего технического состояния, в отношении же другой половины церкви, которая признается Райисполкомом технически угрожающей, составить технических акт осмотра, и представить Облисполкому» [1, л. 12].

В период до конца 1940-х гг. бывали случаи церковно-государственного взаимодействия, которые просто были бы невыполнимы чуть позже. Например, всё тот же П.А. Сергиевский в марте 1947 г. извещал председателя Камешковского райисполкома о том, что уполномоченному со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви «предложено» (буквальное выражение) «обеспечить открытие церкви для совершения церковных служб к празднику пасхи, не ожидая выполнения всех формальностей, связанных с передачей храма общине верующих». Речь здесь идёт о Троицком храме села Горки, решение об открытии которого уже было принято, но само открытие формально ещё не состоялось. Уполномоченный рекомендовал «ограничиться предъявлением со стороны верующих справки о регистрации приходской общины и справки о регистрации (или временном допущении к службе) священника настоятеля и не препятствовать

совершению богослужения во вновь разрешённой к открытию церкви» [2, л. 17].

Как уже было сказано, с конца 1940-х гг. положение Московской Патриархии становится непростым. Ухудшение церковно-государственных отношений сопровождалось заметным падением авторитета Совета по делам Русской Православной Церкви и его уполномоченных. Это вынуждало председателя Совета Г.Г. Карпова проводить более жёсткую политику, в частности, придерживаться линии «на постепенное и очень осторожное ограничение и сокращение деятельности Церкви с учётом в каждом отдельном случае обстановки» [21, с. 19]. Уполномоченные Совета в этот период действовали в рамках указанных тенденций. Так, уполномоченный по Владимирской области К.М. Тупиков игнорировал многочисленные просьбы верующих села Покров Александровского района об открытии их храма. Изучение дела церкви поражает настойчивостью людей, которые писали неоднократные заявления в самые разные инстанции на протяжении нескольких лет. Не менее удивительным представляется решительный отказ властей, в частности, уполномоченного, в удовлетворении этих прошений. Первое ходатайство было подано в 1945 г. По утверждению верующих, церковь никогда не закрывалась, но с 1938 г. в ней прекратилось богослужение из-за ухода священника на другой приход. Церковное здание никакого ремонта не требовало. В том же 1945 г. была вновь зарегистрирована церковная двадцатка, которая обеспечила опись церковного имущества и наличие всей необходимой для богослужения утвари и т.д. Как свидетельствовали авторы прошения от 3 апреля 1946 г., «задолжности <так в тексте> по церкви нет, все налоги уплачиваются своевременно. Кандидата на должность священника имеем» [3, л. 12].

Казалось бы, сложно найти основания для отказа. Однако за 1948 г. мы находим целую серию ходатайств в адрес различных лиц, начиная с председателя областного исполкома Брандта

и заканчивая председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым и Патриархом Московским и всея Руси Алексием I. Из них мы узнаем, что только за 1948 год представители общины посетили уполномоченного Совета К.М. Тупикова около 10 раз, но результата так и не добились. Причем К.М. Тупиков, по заявлению верующих, ещё в 1947 г. принимал их хорошо, не отказывал, обещал выехать на место, но прошёл к тому моменту уже год, а приезда так и не дождались [3, л. за об.].

1950-е гг. также стали для Церкви непростым периодом. Начавшееся после смерти И.В. Сталина общее ожидание смягчения религиозной политики, которая к тому моменту уже успела заметно ужесточиться, сперва совершенно не оправдалось (7 июля 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» [20, с. 72]), но затем курс всё же был скорректирован (уже 10 ноября того же года вышло постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [20, с. 77]). В конце же этого десятилетия и начале следующего разразилась новая антирелигиозная кампания, самая сильная в послевоенном СССР. Уже в 1960 г. главного проводника послевоенного церковного курса Г.Г. Карпова сместили с должности председателя Совета по делам Русской Православной Церкви, заменив более жёстким В.А. Куроедовым. А в конце 1965 г. появился объединённый Совет по делам религий (включивший в себя Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов) во главе всё с тем же В.А. Куроедовым [22, с. 173].

Однако неизменной на протяжении всего данного периода оставалась тенденция к количественному сокращению церковной структуры. Число открытых храмов и зарегистрированных священнослужителей неуклонно уменьшалось, и главными проводниками этой политики должны были быть уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви.

Один из аспектов деятельности уполномоченных Совета состоял в «работе» с местными архиереями, в частности, в «рекомендациях» по сокращению количества церквей. Епископы, осознавая нестабильность положения Церкви, и сами порой «ставили вопрос» о закрытии некоторых наименее доходных храмов. Так было, в частности, с церквями в селах Тучково Селивановского района, Михайлова-Сторона – Суздальского и Головино – Покровского районов Владимирской области, которые по состоянию на март 1953 г. в связи с отсутствием священников не функционировали более года. Как следует из справки уполномоченного И.И. Мирского, «епископ дважды в декабре 1952 года и марте 1953 года ставил вопрос о снятии этих церквей с учёта, мотивируя их малопродуктивностью, маломощностью в финансово-экономическом отношении и тем, что эти приходы не могут быть замещены священнослужителями, „охотников в такие бедные приходы из среды наличного духовенства найти трудно“» [5, л. 50]. Разумеется, уполномоченный и руководство облисполкома поддержали эту инициативу.

Кадровый вопрос стоял не менее остро в Курской области. В связи с большим количеством действующих храмов (стабильно выше среднего уровня по РСФСР) одной из особенностей епархии была постоянная нехватка священнослужителей. Епископ Курский и Обоянский Иннокентий пытался найти разные решения проблемы: например, в начале 1953 г. вошёл к уполномоченному П.Л. Володину с инициативой разрешить служение заштатным священникам, не назначенным на приход. В предложении было отказано, и Владыке пришлось замещать вакантные должности уволенными ранее клириками. Причины увольнения чаще всего были несовместимы с заинтересованностью Церкви в высоком духовном уровне священников и их сильном авторитете: неграмотность, пьянство, безнравственность. Как свидетельствует П.Л. Володин, епископ был очень расстроен необходимостью поставлять на приходы пьющих клириков, но верующие настолько

нуждались в регистрации общин и возможности участия в церковной жизни, что согласны были и на пьяниц [28, с. 109–110].

Как уже упоминалось, нередко дело доходило до прямых «рекомендаций» по сокращению количества церквей. Так, вскоре после занятия Курской кафедры (с 1954 г. – Курско-Белгородской) в 1958 г. епископу Роману (Тангу) пришлось выслушать «пожелания» уполномоченных по Курской области П.Л. Володина и по Белгородской области Стародубцева: «не подавать ходатайств об открытии новых церквей, не препятствовать закрытию храмов, которые приходят в упадок, не принимать на службу священников из западных областей, поменьше посвящать в сан молодёжь, свести до минимума всякую материальную помощь приходам и духовенству и т. д.» [28, с. 118].

Спустя пару лет, в 1960 г., Курский уполномоченный П.Л. Володин получил рекомендацию из Совета обратить внимание «на изучение вопроса о возможностях постепенного, но значительного сокращения количества действующих церквей» [17, л. 49]. Разумеется, эту инициативу необходимо было провести при содействии церковного руководства. После беседы с епископом Леонидом (Поляковым) было «освобождено» 12 приходов в области. Такой приём был одним из самых распространённых способов «законного» сокращения количества церквей.

Схожую ситуацию можно найти и в истории Владимирской епархии. Например, в марте 1962 г. уполномоченный П.Л. Володин по вопросу состояния Никольской церкви в селе Петроково Ставровского района, подчеркивая плачевное финансово-хозяйственное состояние прихода, сообщал: «Управляющий Владимирской епархией – архиепископ Онисим согласился с моими доводами о необходимости закрытия церкви в селе Петроково, о чём на моё имя он написал 22 марта 1961 года письмо ...» [7, л. 19 об.].

Конечно, власти использовали и более широкий спектр возможностей для сокращения церковной структуры. Так, в 1961 г.

в Курске было устроено «показательное» закрытие сразу трех храмов города из девяти. В формулировке решения фигурировали «многочисленные просьбы трудящихся» предприятий и учреждений города [11, л. 41].

Несмотря на различные трудности из-за в целом неблагоприятного вектора религиозной политики, настоятели храмов большое значение придавали облагораживанию церковных зданий и ежегодно выделяли на это средства. Что касается поддержки уполномоченных в этом вопросе, то она осуществлялась только по ряду известных мотивов: либо храм являлся неоспоримым памятником архитектуры, как, например, Успенский собор во Владимире (1158–1160), либо ремонты планировались как показательные в связи с посещением городов иностранными делегациями. В таком случае облагораживались здания, расположенные вдоль междугородных трасс, и тогда принятие мер к проведению ремонтов уполномоченные возлагали, в частности, на председателей райисполкомов.

Например, в 1956 г. во Владимирской области ожидалось прибытие зарубежных светских и духовных делегаций, в связи с чем председателям райисполкомов предписывалось организовать приведение в порядок зданий церквей в селах Ундол и Ворша [4, л. 28], в населённых пунктах по шоссе Владимир–Иваново [4, л. 29], в сёлах Суходол, Борисовское и Доброе по трассе Владимир–Суздаль [4, л. 30].

Кроме того, в конце 1950-х гг. администрацией Владимира было уделено особое внимание облагораживанию внешнего вида города и церквей, в том числе в связи с празднованием 850-летия областного центра.

Что касается плановых ремонтов храмов по инициативе общин, то здесь отношение уполномоченных могло быть различным. Если говорить о примере Курской области, то архиепископ Иннокентий в первой половине 1950-х гг., разумеется, всячески поддерживал приходы в таких начинаниях, помогал доставать

стройматериалы, выдавал денежные ссуды. Но со стороны представителей Совета по делам Русской Православной Церкви он не всегда находил поддержку. Как уже говорилось, с 1954 г. епархия стала Курско-Белгородской, и архиерею приходилось выстраивать отношения сразу с двумя уполномоченными. Причём, по словам секретаря Епархиального управления протоиерея П.С. Ратушняка, Курский уполномоченный П.Л. Володин внимание уделял только капитальным ремонтам церквей. Уполномоченный же по Белгородской области задерживал ремонты, требовал предоставить смету, на капремонт – разрешение гражданской власти, что, конечно, усложняло и тормозило процесс реставрации [28, с. 136].

Не будем забывать, что одной из главных функций уполномоченных Совета было следить за нарушением законодательства о культах как со стороны духовенства, так и со стороны местных – районных и областных – властей. Обычно заостряется внимание на первом пункте, что вполне обоснованно, так как уполномоченные пресекали, например, такие инициативы духовенства, как хождение по домам в сельской местности в поисках треб, совершение молебнов под открытым небом и т. д., что было запрещено советским религиозным законодательством. Однако интереснее отметить случаи, когда представители Совета выступали как защитники прав верующих. Например, в информационном сообщении о посещении пасхальных служб 1957 г. уполномоченный И.И. Мирский отчитался, что «службы прошли спокойно, инцидентов, оскорбляющих чувства верующих, не было» [6, л. 59]. Как известно, в тот период не были редкостью провокации в дни больших церковных праздников, когда во время службы особенно ревностные защитники коммунистической идеологии могли демонстративно шуметь под окнами, унижать прихожан и т. п.

Подводя итог исследованию, остановимся и на таком интересном аспекте деятельности уполномоченных Совета по делам

Русской Православной Церкви, как собственно их отношение к своим обязанностям, желание оптимизировать рабочие процессы. В этом смысле интересно отметить инициативу Курского уполномоченного П.Л. Володина: в первом же своём отчёте он просил указать на возможные ошибки или недостатки, задал целый ряд вопросов, внёс некоторые предложения, например, об изменениях в делопроизводстве [15, л. 137–139]. Спустя 7 лет, в 1957 г., на основании полученного опыта П.Л. Володин отметил, что «небольшие права уполномоченных, которыми они располагали, за этот период перешли к Совету. Постепенно роль уполномоченных свелась по существу к роли простых исполнителей в аппарате облисполкома» [16, л. 16]. В связи с этим он предлагал перенести подчинение уполномоченных из-под юрисдикции облисполкома непосредственно под руководство Совета. Кроме того – интересный факт – П.Л. Володин выступил категорически против дальнейшего изъятия и закрытия церквей. В качестве обоснования он выдвигал предположение, что такая политика только усилит сопротивление верующих и активизирует деятельность духовенства [28, с. 117].

В середине 1960-х гг. П.Л. Володин выступил с новой инициативой по максимальному упрощению отчётности. По его словам, члены исполнительных органов на местах, откуда приходили сведения о положении церквей и духовенства, имели чрезвычайно низкий уровень грамотности и не могли осилить даже элементарную отчётность. Чтобы уровень отчётов соответствовал требованиям Совета, необходима была достаточно высокая квалификация составителей [10, л. 11]. Кроме этого, расширение круга обязанностей уполномоченных в итоге подорвало их контакт с духовенством [28, с. 168]. «Потеря же связи, контактов приводит к тому, что мы многого не знаем и почти совсем не знаем настроений» [10, л. 13] – рассуждал П.Л. Володин, добавляя, что во всех недочётах по умолчанию остаётся виновен уполномоченный.

Если подводить краткий итог исследованию, то очевидно, что уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви были прежде всего исполнителями официальной линии государства в религиозном вопросе, которая, оставаясь в общем русле притеснения Церкви, порой переживала заметные отклонения в ту или иную сторону. Вместе с тем нельзя отрицать, что тенденции развития вероисповедной политики в регионах во многом зависели от отношений между правящими архиереями и местными уполномоченными, их взглядов на нормы церковно-государственных отношений, от уровня взаимного доверия между ними.

Источники

Архивные источники

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-632. Оп. 2. Д. 25.
2. ГАВО. Ф. Р-632. Оп. 2. Д. 32.
3. ГАВО. Ф. Р-3789. Оп. 1. Д. 459.
4. ГАВО. Ф. Р-3789. Оп. 1. Д. 1650.
5. ГАВО. Ф. Р-3789. Оп. 1. Д. 1767.
6. ГАВО. Ф. Р-3789. Оп. 1. Д. 1768.
7. ГАВО. Ф. Р-3789. Оп. 1. Д. 2301.
8. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 15.
10. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 3. Д. 38.
11. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 30.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 42.
13. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 188.

14. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 602.
15. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп.1. Д. 643.
16. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1465.
17. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1767.
18. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 619.

Сборники документов, справочные издания

19. Архиереи Курского края XVII–XX вв. : Краткий биографический справочник / Автор-сост. А. И. Раздорский. – Курск : Регион-Пресс, 2004. – 127 с.
20. О религии и церкви : Сборник документов / Под ред. Ф. Гаркавенко. – М.: Политиздат, 1965. – 128 с.
21. Русская Православная Церковь в Центральной России в 1943–2000 годах: Сборник документов / Сост. А. А. Федотов. – М. ; Архангельск : Институт управления, 2008. – 88 с.

Литература

Монографии

22. Гераськин, Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX в.) : Монография. – Рязань : Изд-во Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина, 2007. – 272 с.
23. Зин, Н. В., Пухова, Е. А., Тихонов, А. К. Владимирская епархия в 1943–1964 гг. / Науч. ред. Сергей Минин. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2007. – 128 с.
24. История религий во Владимирском крае (советский период) : монография / Е. И. Аринин [и др.]; отв. ред. : Е. И. Аринин. – Владимир : Издательство «Шерлок-пресс», 2018. – 200 с.
25. Чумаченко, Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М. : «АИРО-XX», 1999. – 248 с.

26. Шимон, И. Я. Сталин сказал «Да»: новая политика Советского государства в отношении церкви в период Великой Отечественной войны. – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2002. – 112 с.

Статьи

27. Ивлиева, Е. В. Государственно-церковные отношения в годы Великой Отечественной войны в Курской области // Вторые Дамиановские чтения (3 ноября 2000 г.) : Сборник материалов / Под общей ред. В. В. Гвоздева и З. Д. Ильиной. – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – С. 188–197.

Диссертации

28. Макарова, Д. Ю. Эволюция взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства в 1943–1991 гг. (на материалах Курской области) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Курск, 2015. – 313 с.

**ON THE QUESTION
OF THE ROLE OF THE AUTHORIZED
COUNCIL FOR THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH
IN CHURCH-STATE RELATIONS
IN THE 1940–1960s
(BASED ON THE MATERIALS OF THE
VLADIMIR AND KURSK REGIONS)**

Abstract: The article is devoted to a rather narrow aspect of church-state relations in the Soviet period, namely the activities of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the post-war decades (using the example of two regions). The article examines a number of aspects of the Council's representatives' activities in the field: relations with the ruling bishop, reduction of the number of churches, monitoring of observance of the rights of believers, initiatives to optimize their work, etc. The specifics of the work is to determine the territorial boundaries of the study: the Kursk and Vladimir regions from the very beginning of the implementation of the Stalinist program of rapprochement with the Church were in completely different conditions. However, as it turned out during the work, the processes here were very similar.

Key words: Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, church-state relations in the USSR, Kursk Diocese, Vladimir Diocese.

Sources

Archival sources

1. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-632. Op. 2. D. 25 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-632. List 2. Doc. 25]. In Russian.

2. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-632. Op. 2. D. 32 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-632. List 2. Doc. 32]. In Russian.

3. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-3789. Op. 1. D. 459 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-3789. List 1. Doc. 459]. In Russian.

4. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-3789. Op. 1. D. 1650 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-3789. List 1. Doc. 1650]. In Russian.

5. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-3789. Op. 1. D. 1767 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-3789. List 1. Doc. 1767]. In Russian.

6. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-3789. Op. 1. D. 1768 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-3789. List 1. Doc. 1768]. In Russian.

7. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti. F. R-3789. Op. 1. D. 2301 [The State Archive of the Vladimir region. Foundation R-3789. List 1. Doc. 2301]. In Russian.

8. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F.R-5027. Op. 1. D.5 [The State Archive of the Kursk region. Foundation R-5027. List 1. Doc. 5]. In Russian.

9. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F. R-5027. Op. 1. D. 15 [The State Archive of the Kursk region. Foundation R-5027. List 1. Doc. 15]. In Russian.

10. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F. R-5027. Op. 3. D. 38 [The State Archive of the Kursk region. Foundation R-5027. List 3. Doc. 38]. In Russian.

11. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F.R-5027. Op. 5. D. 30 [The State Archive of the Kursk region. Foundation R-5027. List 5. Doc. 30]. In Russian.

12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F.R-6991. Op.1. D.42 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 42]. In Russian.

13. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-6991. Op. 1. D. 188 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 188]. In Russian.

14. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-6991. Op. 1. D. 602 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 602]. In Russian.

15. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F.R-6991. Op.1. D.643 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 643]. In Russian.

16. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-6991. Op. 1. D. 1465 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 1465]. In Russian.

17. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-6991. Op. 1. D. 1767 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 1. Doc. 1767]. In Russian.

18. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F.R-6991. Op.2. D.619 [The State Archive of the Russian Federation. Foundation R-6991. List 2. Doc. 619]. In Russian.

Collections of documents, reference publications

19. Razdorskij A.I. Arhierei Kurskogo kraja XVII–XX vv.: Kratkij biograficheskiy spravocnik [Bishops of the Kursk Region of the 17–20th centuries: A brief biographical reference]. Kursk, 2004, 127 p. In Russian.

20. Garkavenko F. (ed.) O religii i cerkvi: Sbornik dokumentov [On religion and the Church: A collection of documents]. Moscow, 1965, 128 p. In Russian.

21. Fedotov A.A. (comp.) Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v Central'noj Rossii v 1943–2000 godah: Sbornik dokumentov [The Russian Orthodox Church in Central Russia in 1943–2000: A collection of documents]. Moscow, 2008, 88 p. In Russian.

Literature list

Monographs

22. Geras'kin Ju.V. Russkaja pravoslavnaja cerkov', verujshhie, vlast' (konec 30-h – 70-e gody XX v.): Monografija [The Russian Orthodox Church, believers, the authorities (late 30 – 70s of the 20th century): Monograph]. Ryazan, 2007, 272 p. In Russian.

23. Zin N.V., Puhova E.A., Tihonov A.K. Vladimirskaja eparhija v 1943–1964 gg. [Vladimir Diocese in 1943-1964]. Vladimir, 2007, 128 p. In Russian.

24. Arinin E.I. (et al.) Istorija religij vo Vladimirskom krae (sovetskij period): monografija [History of religions in the Vladimir Region (Soviet period): monograph]. Vladimir, 2018, 200 p. In Russian.

25. Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnajacerkov', verujshhie. 1941–1961 gg. [The state, the Orthodox Church, believers. 1941–1961]. Moscow, 1999, 248 p. In Russian.

26. Shimon I.Ja. Stalin skazal «Da»: novaja politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii cerkvi v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Stalin said “Yes”: the new policy of the Soviet state towards the church during the Great Patriotic War]. Dubna, 2002, 112 p. In Russian.

Articles

27. Ivlieva E.V. Gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v Kurskoj oblasti [State-Church relations during the Great Patriotic War in the Kursk region]. In *Vtorye Damianovskie chtenija (3 nojabrja 2000 g.): Sbornik materialov* [The Second Damian Readings (November 3, 2000): A collection of materials]. Kursk, 2003, pp. 188–197. In Russian.

Dissertations

28. Makarova D.Ju. Jevoljucija vzaimootnoshenij Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i Sovetskogo gosudarstva v 1943–1991 gg. (na materialah Kurskoj oblasti) [Evolution of the relationship between the

Russian Orthodox Church and the Soviet State in 1943–1991 (based on materials from the Kursk region)]. Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Kursk, 2015, 313 p. In Russian.